

26.02.2013 № 57 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/z0407-13>.

7. Закон України «Про фінансові послуги та державне регулювання ринків фінансових послуг» від 12.07.2001 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2664-14>.

8. Розпорядження Кабінету Міністрів України «Про перелік офшорних зон» від 23.02.2011 № 143-р // Урядовий кур'єр від 25.03.2011 р. – № 54.

9. Типологія легалізації (відмивання) доходів, одержаних злочинним шляхом // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://nfp.gov.ua/content/finansoviy-monitoring.html>.

10. Worlds Sports Law Report (2007).

11. Пояснювальна записка до проекту Закону України «Про запобігання впливу на результати офіційних спортивних змагань корупційних правопорушень» // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55842.

12. Проект Закону України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо фінансування діяльності політичних партій» http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=54674.

13. Проект Закону «Про внесення зміни до статті 87 Бюджетного кодексу України» // http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=55672.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАБОТНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА В УКРАИНЕ

Алан ЦХОВРЕБОВ,
соискатель

Национальной академии прокуратуры Украины

Summary

It highlights main problem aspects of criminal law characteristic signs and symptoms of interference in composition of representative of law enforcement agency in Ukraine as a base criminal responsibility for its commission, as well as forms such liability. Propose appropriate changes in criminal legislation aimed at improving regulation of criminal responsibility for crime in question, in particular, the next revision of its objective side: «intervention in service activities of body, providing rule of law, by undue influence on him». Identify promising directions for further scientific development of said subjects, namely – study of possibility of recognizing said criminal acts misconduct.

Key words: rule of law, interference in activities of law-enforcement body, base of criminal liability, forms of criminal liability.

Аннотация

Освещаются основные проблемные аспекты уголовно-правовой характеристики объективных и субъективных признаков состава вмешательства в деятельность представителя правоохранительного органа в Украине, как основания уголовной ответственности за его совершение, а также форм такой ответственности. Предлагаются соответствующие изменения уголовного законодательства, направленные на совершенствование регламентации уголовной ответственности за рассматриваемое преступление, в частности, следующая редакция его объективной стороны: «вмешательство в служебную деятельность работника органа, обеспечивающего правопорядок, путем незаконного влияния на него». Определяются перспективные направления дальнейших научных разработок указанной тематики, в частности, изучение возможности признания указанного деяния уголовным проступком.

Ключевые слова: правопорядок, вмешательство в деятельность, работник правоохранительного органа, основание уголовной ответственности, формы уголовной ответственности.

Постановка проблемы. В начале 90-х прошлого столетия Уголовный кодекс Украины (далее – УК Украины) 1960 года был дополнен статьей 189-3 «Вмешательство в деятельность работника прокуратуры, органа внутренних дел, безопасности». До принятия в 2001 году нового УК Украины эта статья дважды редакционно изменялась. В новом УК Украины она сохранилась под названием «Вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа» (ст. 343) и уже претерпела некоторые изменения: в 2010 году ее дополнено указанием на работника исполнительной службы. По иронии судьбы в 2014 году исполнительную службу в Украине ликвидировано, что требует очередных изменений указанной статьи. Столь непростая,

история данного уголовно-правового запрета обусловлена рядом обстоятельств, среди которых – сложность самого явления, подвергнутого в свое время криминализации, отсутствие единообразия в понимании объективных и субъективных признаков соответствующего состава преступления, как основания уголовной ответственности, целесообразность дальнейшего развития форм ответственности за его совершение и другие.

Актуальность темы предлагаемой статьи обусловлена необходимостью освещения основных проблемных аспектов основания и форм уголовной ответственности за вмешательство в деятельность представителя правоохранительного органа.

Затронутой в статье теме в Украине посвящено определенное коли-

чество научных публикаций, в том числе и монографического характера [1; 2; 3; 4], однако ряд дискуссионных вопросов основания и форм уголовной ответственности за данное преступление в них не решен.

Целью статьи является изложение нового решения существующих дискуссионных положений уголовно-правовой регламентации ответственности за вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа.

Изложение основного материала. Проблема уголовной ответственности за конкретное преступление преимущественно включает в себя две группы относительно самостоятельных аспектов. Первая из них относится к основанию уголовной ответственности, а вторая – к ее формам. Не составляет исключения в этом смысле и преступление, предусмотренное ст. 343 УК Украины.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 этого кодекса основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав соответствующего преступления. Состав преступления охватывает собой две группы признаков: объективные и субъективные. К числу первых относятся объект и предмет преступления, а также его объективная сторона; к числу субъективных – его субъект и субъективная сторона. При этом объект не только включен в структуру состава преступления, но также лежит в основе определения места этого состава в системе Особенной части Уголовного кодекса. Поскольку ст. 343 УК Украины помещена в роздел XV его Особенной части «Преступления против авторитета органов государственной власти, органов местного самоуправления и объединений граждан», обычно делается вывод, что родовым объектом этого преступления выступает авторитет указанных органов и их деятельности [5, с. 300–302]. Между тем, в официальной учебной литературе встречаются утверждения, что родовым объектом этих преступлений является определенная группа общественных отношений, возникающих между органами государственной власти и физическими лицами в связи с осуществлением администра-

тивно-распорядительных функций [6, с. 429]. То есть, существует два подхода к определению объекта преступлений указанного рода. Первый исходит из того, что таковым выступает конкретная социальная ценность, а не абстрактные общественные отношения; второй основывается на теории «объект преступления – общественные отношения».

Ни с одним из них согласиться невозможно из-за их оторванности от объективных реалий. Относительно первого подхода следует заметить, что авторитет хотя и является социальной ценностью, характеризует не объект, а субъекта управления [2, с. 21]. Далее, авторитет, являясь категорией этической, не поддается точному юридическому определению. Наконец, если даже допустить, что изложенные выше суждения не соответствуют действительности, говорить о существовании авторитета государственных органов в современной Украине было бы верхом некорректности. Общеизвестно, что в последние годы они его окончательно потеряли. Относительно второго из названных выше подходов к пониманию объекта преступления заметим, что в последнее время становится все более понятным, что не мифические общественные отношения страдают от преступлений, а конкретные ценности: жизнь, здоровье, собственность, безопасность и т. д. [7; 8]. Это и есть объекты соответствующих преступлений.

С учетом изложенного предлагаю считать родовым объектом преступлений, сосредоточенных в разделе XV УК Украины, установленный порядок осуществления государственной или самоуправленческой власти, что и следует отобразить в названии этого раздела. Названный объект состоит из ряда видовых, а именно – порядка осуществления конкретного вида власти: законодательной, исполнительной, судебной, самоуправленческой. Обособление видовых объектов дает возможность определять соответствующие виды преступлений. При этом, конкретные объекты, включенные в определенный их вид, являются непосредственными объектами в составах конкретных преступлений. В состав преступления может входить и не-

сколько непосредственных объектов (полиобъектный состав). Вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа как раз и демонстрирует пример преступления с полиобъектным составом. Обязательным непосредственным объектом в нем выступает установленный порядок осуществления определенного вида (ветви) власти на определенном направлении, а именно: в сфере так называемой правоохранительной деятельности, которая, на самом деле, является деятельностью по обеспечению правопорядка. Факультативным объектом этого преступления может выступить авторитет такой деятельности. При его наличии он страдает от данного преступления, а при отсутствии – нет.

Что же является основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления? С учетом наших предыдущих выводов таковым можно считать порядок осуществления определенного вида власти, направленный на противодействие административным и уголовным правонарушениям или, что одно и то же, на обеспечение правопорядка в обществе в узком понимании последнего. Сегодня это порядок осуществления преимущественно исполнительной власти, поскольку функцию охраны правопорядка в узком его смысле осуществляет именно она. Исключение из этого правила образуют органы прокуратуры, которые в Украине не отнесены ни к одной ветви власти, однако есть надежда на признание их составной частью судебной власти [9, с. 31–32], после чего порядок осуществления определенной части судебной власти также будет охраняться этой статьей УК Украины.

Относительно предмета преступления, предусмотренного ст. 343 УК Украины, следует заметить, что понимание его сущности зависит от общетеоретического представления об этом феномене. Долгое время преобладающим было понимание предмета преступления, как исключительно вещи материального мира, с определенными свойствами которой связывалось наличие соответствующего преступления. Отсюда следовал вывод о факультативности предмета в структуре состава преступления и,

следовательно, о наличии предметных и беспредметных составов преступлений [10, с. 100; 11, с. 290]. В последнее время высказывается более рациональная мысль о том, что предметом преступления может быть не только вещь, но и иная субстанция, противоправно воздействуя на которую совершается преступление, в том числе и человек, поэтому беспредметных составов не бывает [12, с. 45].

В ст. 343 УК Украины предметом в составе данного преступления названы работник правоохранительного органа и работник государственной исполнительной службы. Такое законодательное решение трудно назвать совершенным, и не только потому, что работник государственной исполнительной службы также относится к числу «правоохранителей», а сама служба в Украине ликвидирована, но в уголовном законодательстве это не нашло своего отражения. Дело в другом. По нашему мнению, законодателю следует вообще отказаться от употребления сомнительного, с точки зрения его адекватности определяемому явлению и популистского по своему характеру, термина «правоохранительный», а назвать предметом в составе рассматриваемого преступления представителя органа власти, осуществляющего функции по обеспечению правопорядка. Помимо прочего, это гармонизирует определение предмета с объектом данного преступления.

Не более совершенным, чем предыдущие элементы состава преступления, предусмотренного указанной статьей, является и законодательное определение его объективной стороны. Преступное деяние в ее содержании определено, как «влияние в какой-либо форме на работника правоохранительного органа...». Доктринальная характеристика этого влияния осуществляется путем детального описания возможных форм его осуществления, таких как угрозы, шантаж, вмешательство в личную жизнь, физическое насилие, незаконные действия относительно имущества и другие. При этом в названии статьи фигурирует термин «вмешательство в деятельность». Возникает вопрос, как соотносятся понятия «влияние на работника» и

«вмешательство в его деятельность»? В литературе ответа на него не сыщешь. Убежден, что надлежащее внимание к его решению могло бы привести к выводу, что первое является способом совершения второго. В диспозиции нормы, предусмотренной ст. 343 УК Украины, следовало бы учесть это, изложив ее, например, в такой редакции: «Вмешательство в деятельность работника... путем незаконного влияния на него...». Помимо прочего, такая «конструкция» демонстрирует интересную связь объективной стороны преступления с его объектом и предметом: способ совершения деяния (незаконное влияние) корреспондируется с предметом преступления (работник), а само деяние (вмешательство в деятельность работника) – с объектом преступления (порядок осуществления власти).

Важным моментом характеристики объективной стороны преступления является точное определение момента его окончания. Характеризуемое преступление следует считать оконченным не с момента вмешательства в деятельность работника правоохранительного органа, как принято считать, толкуя закон буквально, а с момента осознания таким работником характера преступного воздействия на него с целью изменить осуществляемую им служебную деятельность. В случаях, когда действие, направленное на изменение деятельности работника правоохранительного органа, совершено, но такой работник не осознал его смысла, содеянное образует покушение на преступление, предусмотренное ст. 343 КК Украины.

Таким образом, деянием в объективной стороне этого преступления является вмешательство в служебную деятельность работника органа, обеспечивающего правопорядок, путем незаконного влияния на нього в любой форме. Влияние на такого работника следует считать уголовно-правовым способом совершения этого преступления. Формы такого влияния имеют преимущественно технико-криминалистическое, а не уголовно-правовое значение. Их следует относить не к уголовно-правовым способам совершения преступления, как признаку его объективной стороны,

а к числу криминалистических способов, которые берутся во внимание не при квалификации преступления, а в процессе его раскрытия и расследования. Они характеризуют технику осуществления незаконного влияния, как уголовно-правового способа вмешательства в деятельность работника правоохранительного органа. При этом способы влияния на работника правоохранительного органа могут обрести любой вид, в том числе и преступного деяния. Например, когда злоумышленник вмешивается в деятельность работника правоохранительного органа, воздействуя угрозой убийством или уничтожением имущества. Совершенное в таких случаях создает идеальную совокупность преступлений. Это, пожалуй, единственный случай, когда технический способ совершения деяния имеет не только криминалистическое, но и уголовно-правовое значение: влияет на квалификацию содеянного, а также на определение вида и меры уголовно-правового воздействия на его субъекта.

В законодательном названии рассматриваемого преступления целесообразно сохранить только один термин – «вмешательство». Гармонии между названием преступления и описанием в законе его объективной стороны, отсутствующую сегодня, обеспечило бы включение этого термина в законодательное определение диспозиции уголовно-правовой нормы в статье 343 УК Украины. При этом целесообразно уточнить законодательное описание того, во что вмешивается злоумышленник. Сегодня закон провозглашает, что вмешательство осуществляется «в деятельность» работника. На первый взгляд, так и есть. Но не всегда первое впечатление правильное. Дело в том, что термином «деятельность», как известно, охватывается лишь система деяний, объединенных единым мотивом и одной целью. Одно деяние или несколько разрозненных не создают деятельности. Это обстоятельство, будучи положенным в основу позиции защиты в уголовном производстве, может «развалить» обвинение. Чтобы этого не случилось, а также с целью приведения текста закона в соответствие с действитель-

ностью, вместо термина «деятельность» в тексте ст. 343 УК Украины необходимо употребить словосочетание «осуществление полномочий». К такому выводу пришли один из первых исследователей этой проблемы Е.Н. Блаживский, который утверждал, что использование этого словосочетания в законе было бы «более точным и правильным» [1, с. 63]. После этого законодательное определение объективной стороны этого преступления могло бы обрести следующий вид: «Вмешательство в осуществление полномочий работником правоохранительного органа... путем незаконного влияния на него...». Стало бы понятным, что «вмешательство» в структуре объективной стороны этого преступления является общественно опасным деянием, а «незаконное влияние» – способом его совершения. Это упростило бы понимание и применение указанной уголовно-правовой нормы.

Частью 2 ст. 343 УК Украины предусмотрено уголовную ответственность за вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа при наличии квалифицирующих признаков, в частности, когда оно воспрепятствовало предотвращению преступления или задержанию лица, совершившего его. В этом случае имеет место уже не формальный, как в части 1 данной статьи, а материальный состав преступления, объективную сторону которого составляет не одно лишь деяние, но и его общественно опасное последствие и соответствующая причинная связь.

К числу дискуссионных следует также отнести понимание некоторых аспектов субъекта и субъективной стороны рассматриваемого преступления. В частности, несмотря на то, что за совершение преступления, предусмотренного ст. 343 УК Украины, законом установлен общий возраст уголовной ответственности – 16 лет, по мнению Верховного Суда Украины при констатации экспертным путем умственной либо психической отсталости, не связанной с психическим расстройством, дающим основание для признания субъекта невменяемым, суд может признать шестнадцатилетнего субъекта

– не достигшим возраста уголовной ответственности [13]. Не все с этим соглашаются, что подтверждается, в частности, данными проведенного нами опроса прокуроров, проходивших повышение квалификации в Национальной академии прокуратуры Украины. Значительное их число высказалось за буквальное толкование закона в этом случае. Мы считаем более рациональной, соответствующей идеям справедливости и гуманности позицию высшей судебной инстанции.

Относительно субъективной стороны рассматриваемого преступления, прежде всего, следует напомнить, что определяющим ее признаком является вина. В неквалифицированном составе этого преступления (ч. 1 ст. 343 УК Украины) вина проявляется исключительно в форме прямого умысла. При этом интеллектуальный и волевой моменты законодательного определения этой формы вины (ст. 24 УК Украины) сосредоточены на деянии: субъект осознает его общественную опасность и желает его совершить. В преступлении с квалифицирующими обстоятельствами, о которых говорилось выше, когда состав становится материальным, форма вины не меняется, а несколько видоизменяется ее содержание. Волевой момент умысла сосредотачивается не на деянии, а на последствии: субъект желает его наступления или допускает это. Иными словами – при этом возможен как прямой, так и косвенный умысел.

Кроме вины, в субъективную составляющую этого преступления включается мотив совершения общественно опасного деяния, хотя законодатель и не признает его обязательным признаком состава, а также целью совершения такого деяния. Мотив должен учитываться при определении формы и пределов уголовной ответственности субъекта, виновного в совершении данного преступления. В отличие от мотива, цель является обязательным признаком в его составе. Такой целью законодатель определил воспрепятствование исполнению служебных обязанностей или принятие незаконного решения работником правоохранительного органа. Отсутствие указанной цели или

невозможность ее доказать устраняет возможность применения ст. 343 УК Украины.

Остаются проблемными и некоторые аспекты форм ответственности за рассматриваемое преступление. В частности, обратила на себя внимание специалистов явная диспропорция в их применении на практике [1, с. 153–154]. По-прежнему из существующих в Украине четырех основных ее форм применяются только две: осуждение с назначением и отбыванием наказания, и осуждение с условным освобождением от отбывания назначенного наказания. Третья ее форма (осуждение с безусловным освобождением от отбывания наказания) применяется крайне редко, а последняя (осуждение без назначения наказания) в судебной практике вообще не встречается. Причиной непопулярности третьей формы ответственности являются специфические особенности оснований ее применения, в частности, амнистия, помилование и некоторые иные случаи. А причиной игнорирования судами осуждения без назначения наказания, по-видимому, является непонимание сущности этой формы уголовной ответственности, основанное на ее недостаточно четком законодательном закреплении, на что уже обращалось внимание читателей этого издания применительно к иному преступлению [14, с. 70]. Действительно, далеко не все украинские судьи понимают, «что законодательством Украины разрешено выносить обвинительный приговор без назначения наказания. Это и есть так называемое освобождение от наказания. В этом случае уголовная ответственность состоит в самом факте осуждения за совершенное преступление, по недоразумению названном освобождением от наказания» [14, с. 70].

Выходом из создавшегося положения действительно должно стать совершенствование законодательной регламентации так называемого освобождения от наказания. Мы солидарны с автором, что «начинать следует с приведения названия этой формы уголовной ответственности в соответствие с ее сущностью. В название раздела XIV Общей части УК Украины, в тексты частей 4 и 5 статьи 74, части 2 статьи 84, части 1 статьи 105

Кодекса вместо словосочетания «освобождение от наказания» надо включить словосочетание «осуждение без назначения наказания». Далее – более четко следует закрепить основания, условия и уголовно-правовые последствия этой формы уголовной ответственности. В результате она получит более широкое распространение в практике противодействия нетяжким преступлениям...» [14, с. 70–71]. Вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа как раз и является таким преступлением, поэтому сказанное выше полностью относится и к нему.

С учетом того, что данное преступление не является тяжким, оно не лишено перспективы быть признанным уголовным проступком в процессе начавшегося реформирования украинского законодательства в этом направлении. Отмеченное, а также применение к субъектам вмешательства в деятельность работника правоохранительного органа иных, кроме уголовной ответственности, средств уголовно-правового реагирования, видится в качестве перспективных направлений дальнейших научных разработок затронутой в статье проблемы.

Выводы. Изучение уголовной ответственности за вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа в Украине вскрыло ряд проблемных вопросов ее законодательной регламентации, доктринального понимания и практического применения, относящихся как к составу данного преступления, так и к формам самой ответственности за его совершение. Предложенные нами пути решения этих вопросов базируются на современных уголовно-правовых исследованиях других ученых и созвучны с большинством из них. Несомненным представляется одно: уголовное законодательство Украины в части регламентации ответственности за данное преступление нуждается в совершенствовании по сформулированным выше направлениям.

Список использованной литературы:

1. Блаживский Е.Н. Уголовная ответственность за вмешательство

в деятельность работников судебных и правоохранительных органов (иных государственных деятелей): монография / Е.Н. Блаживский. – Киев-Дрогобич: Просвит, 2012. – 180 с. (на укр. яз.).

2. Давидович И.И. Уголовно-правовая охрана представителей власти и общественности, охраняющих правопорядок: дис. канд. юрид. наук. – К., 2007. – 253 с. (на укр. яз.).

3. Залялова И.М. Уголовная ответственность за вмешательство в деятельность работника правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / ДЮИ Луганского гос. ун-та вн. дел. – Д., 2007. – 18 с. (на укр. яз.).

4. Осадчий В.И. Уголовно-правовая защита правоохранительной деятельности: монография / В.И. Осадчий. – К.: Атика, 2004. – 336 с. (на укр. яз.).

5. Уголовное право (Особенная часть): учебник / под ред. А.А. Дудорова, Е.А. Письменского. – Луганск: «Елтон-2», 2012. – 780 с. (на укр. яз.).

6. Уголовное право Украины. Особенная часть: учебник / Ю.В. Баулин, В.И. Борисов, В.И. Тютюгин и др. – 4-е изд., перед. и дополн. – Х.: Право, 2010. – 608 с. (на укр. яз.).

7. Кривуля А.М., Куц В.Н. Могут ли общественные отношения быть объектом преступления? // Вестник Национального университета внутренних дел. – Х., 1997. – Вып. 2. – С. 70–75 (на укр. яз.).

8. Фесенко Е.В. Объект преступления под углом зрения теории ценностей, а также оппонентов этой концепции // Адвокат. – 2003. – № 6. – С. 9–12 (на укр. яз.).

9. Куц В.Н. Конституционный статус прокуратуры Украины требует совершенствования // Вестник Академии прокуратуры Украины. – № 2. – 2007. – С. 27–32 (на укр. яз.).

10. Уголовное право Украины. Общая часть: учебник / Ю.В. Баулин, В.И. Борисов, В.И. Тютюгин и др. – 4-е изд., перераб. и дополн. – Х.: Право, 2010. – 456 с. (на укр. яз.).

11. Панов Н.И. Понятие предмета преступления / Н.И. Панов. Избранные научные труды по проблемам правоведения. – К.: Ин Юре, 2010. – 812 с.

12. Куц В.Н. Проблемы уголовной ответственности: учебное пособие / В.Н. Куц. – К.: Национальная академия

прокуратуры Украины, 2013. – 322 с. (на укр. яз.).

13. О практике рассмотрения судами дел о применении принудительных мер воспитательного характера: постановление Пленума Верховного Суда Украины № 2 от 15 мая 2006 года // Вестник ВСУ. – 2006. – № 7. – С. 11–16 (на укр. яз.).

14. Мамотенко О.П. Уголовная ответственность за незаконное обращение с подакцизными товарами в Украине // *Legea si viata*. – 2015. – № 12/2 (288). – Р. 69–72.